

О МОЕМ ОТЦЕ

В. КОЧНЕВА

В Военном издательстве Министерства обороны СССР готовится к печати книга «Армейский комиссар» — сборник воспоминаний о выдающемся политическом и военном деятеле Советского государства Яне Борисовиче Гамарнике. Его боевые друзья и соратники рассказывают о важнейших этапах жизни замечательного большевика-ленинца, которого партия не раз направляла на трудные и ответственные участки. Великий Октябрь и гражданская война на Украине, подпольная работа большевистских организаций в захваченных врагом Крыму, Одессе и Харькове, легендарный поход Южной группы войск 12-й армии из вражеского окружения на соединение с основными силами Красной Армии, хозяйственное и культурное строительство на освобожденной Киевщине, освоение природных богатств Дальнего Востока, развитие и укрепление экономики Белоруссии... На фоне этих событий, в которых с кипучей энергией участвовал Я. Б. Гамарник, в книге вырисовывается образ самоотверженного борца за торжество коммунизма. Последние восемь лет своей жизни, трагически оборвавшейся в 1937 году, армейский комиссар первого ранга Я. Б. Гамарник был первым заместителем народного комиссара обороны и начальником Политического управления Красной Армии. Весь свой богатый партийный опыт он отдавал воспитанию армейских кадров, их подготовке к активной защите Родины.

Авторы ряда воспоминаний отмечают, что, несмотря на огромную загруженность работой, Ян Борисович проявлял большое внимание к семье, серьезно занимался воспитанием дочери. «К дочери, — вспоминает М. Троицкая, член КПСС с 1919 года, — Ян относился исключительно. Когда он на нее смотрел, лицо его преобразилось, как бы освещаясь изнутри необыкновенной любовью к ребенку. Но всегда с тем он никогда ее не баловал».

В книгу «Армейский комиссар» войдут и публикуемые здесь воспоминания дочери Я. Б. Гамарника — Виктории Яновны Кочневой. Рассказывая об отце, она раскрывает некоторые черты характера этого прекрасного, кристально честного и мужественного человека.

Папа... Хочется восстановить в памяти все, что помню о нем, представлять его себе живым, разговаривающим, полным энергии. Пусть кое-что из того, о чем я напишу, не имеет большого значения. Выбрать главное всегда можно. Но мне хочется просто поделиться воспоминаниями об отце — с тех пор, как помню его и себя.

Москва... 1930 или 1931 год, точно не помню. Мне 5—6 лет. В комнате устанавливают шведскую стенку, в простенке между кабинетом отца и столовой вкручивают кольца. Это для меня. Отец показывает, как делать упражнения, помогает и очень доволен, когда у меня получается. Каждый день я должна заниматься. В выходные дни зимой — каток. Учит бегать на коньках опять папа.

Летом, во время папиного отпу-

ска, уезжаем с ним в Крым, в Мухлатку. Мама не ездила с нами: она уезжала в Железноводск лечить большую печень. Папа учил меня плавать. Держаться на воде я научилась, но глубоких мест боялась, бултыхалась только у берега. Както мы катались на лодке, отплыли довольно далеко от берега. Я встала во весь рост и смотрела по сторонам. Отец взял меня и как котенка кинул в воду. Я забарахталась, а он сидит в лодке и совершенно спокойно говорит мне:

— Плыви спокойно, не бойся, ты умеешь плавать.

И я поплыла. С тех пор перестала бояться глубины.

Спорт не был для него лишь развлечением. Он считал, что заниматься им нужно всерьез. Он всегда говорил, что

молодежь наша должна быть крепкой, смелой, выносливой, а станет она такой, если будет много и упорно заниматься спортом. Сам он был разносторонним спортсменом: отлично бегал на коньках, прекрасно плавал (в молодости легко переплывал Днепр), очень любил верховую езду. Еще мальчишкой, гимназистом, а затем и студентом он объезжал диких

лошадей. Как он рассказывал, это очень помогло в дальнейшем, когда во время похода Южной группы 12-й армии по несколько суток приходилось не сходить с седла. Я помню, что каждый выходной день, бывая на даче, отец уезжал на несколько часов верхом.

А иногда собирал нас, ребят, и учил стрелять. Ставили мишень, и начиналось соревнование. Отец стрелял последним, и нам лишь оставалось тяжело вздыхать: он выбивал обычно не менее девяти очков из десяти возможных.

В мои школьные годы у нас с ним на даче была любимая игра. Участвовали в ней только мы двое. Он забирал меня с собой в лес и устраивал своеобразный экзамен по географии. Я должна была быстро отвечать на вопросы. «Какой главный город Бельгии?» «На какой реке стоит Лондон?» «Тебе нужно попасть из Москвы в Мексику. Как ты поедешь? Представь себе карту и сообрази, какой путь короче — где самолетом, где поездом, где паромом? И расскажи, мимо чего ты проезжаешь, чем интересны те или иные города». Обычно, гуляя по лесу, мы решали с ним множество всяких проблем.

В нашей школе организовался авиамодельный кружок, а руководителем нет. «Папа, помоги». «Поскольку это не для тебя одной, а для школы, для всех ребят — помогу». И помог. Появился у нас с его помощью чудесный руководитель, и половина школы «заболела» авиамоделизмом.

«Папа, за что ты получил орден Красного Знамени?» — «За прорыв». — «Неправда, за прорыв бьют, а тебе вруд орден». Отец рассмеялся. Дело в том, что я уже читала газеты, а в них в ту пору писалось, что на том или ином заводе прорыв, и руководителей таких предпринятый ругали. Так что для меня слово «прорыв» имело только одно значение — отрицательное. Пришлось отцу рассказать мне и о другом значении этого слова и о прорыве из вражеского окружения Южной группы войск 12-й армии.

«Чапаев»... Так же, как все ребята середины тридцатых годов, я «болела» этой картиной. Смотрела ее, наверно, раз двадцать. И наверняка раза три смотрела ее вместе с отцом. Он, кроме «Чапаева», из фильмов того времени высоко ценил «Тринадцать» и «Мы из Кронштадта».

Очень любил отец театр. Правда, бывать в театре ему удавалось не часто. Работали в те времена и ночами. Домой отец иногда приезжал в 4—5 часов утра. Но если попадал в театр — отдавался спектаклю целиком. Сидит всегда в самый дальний угол в ложе, чтобы его никто не видел, и очень не любил разговоров во время действия. Чаще всего он бывал в Художественном театре, ему очень нрави-

**СЕМЬЯ
и ДЕТИ**

В разделе: **◆ Замечательный коммунист, прекрасный отец ◆ У вас — первоклассник ◆ Ребенку открывается мир...**

лись там «Платон Кречет» и, конечно, «Анна Каренина» с Тарасовой. Смотрел он ее, по-моему, не один раз. Меня с собой взял на спектакль «Бронепоезд 14-69» — тоже высоко ценный им

Любил он и театр имени Вахтангова и смотрел там, по-моему, все спектакли. Помню, как была я с ним на спектакле «Разъезд Далекое». После спектакля в ложу пришел Горюнов, исполнявший в этой пьесе неглавную роль. Отец, смеясь, сказал ему, что так хорошо играть нельзя — за его игрой тускнеют основные герои спектакля.

Отец был равнодушен к опере, балету, музыке всех жанров. Вообще он был разносторонним человеком. Увлекался математикой, ценил и хорошо знал литературу. Особенно любил он Горького, часто бывал у него.

Память у него была прекрасная. Целые страницы из Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Л. Толстого он знал наизусть. Своей любовью к книгам, литературе я обязана ему.

Читать я начала рано, в пять лет. Помню, когда отец в редкие свободные минуты или во время болезни лежал на диване, я забиралась к нему, и он читал мне вслух. Так я познакомилась с «Маугли» Киплинга, «Песней о Гайавате» Лонгфелло. И то и другое произведение отец очень любил. «Песнь о Гайавате» он читал мне не один раз. Тогда же узнала я Некрасова и привязалась к нему на всю жизнь. Причем до сих пор больше всего люблю те вещи, которые вы мне всего ценил отец: «Размышления у парадного подъезда» и «Рыцарь на час».

Первая книга, которую я прочла самостоятельно, была «Детство Никиты» Алексея Толстого.

Книги мне всегда подбирал отец. Из «Детства Никиты» он прочел мне главу о Желтухиной, а потом сказал: «Дальше читай сама». Таким же образом он поступал на первых порах и со многими другими книгами.

Отцу нравилась «Колхида» К. Паустовского. Это тоже одна из вещей, которую читал он мне вслух.

При всей своей занятости он всегда находил время спросить о прочитанных книгах. Разговаривал отец со мной, как со взрослой: никогда не называл своих мыслей, всегда старался понять, почему я отношусь к той или иной вещи так, а не иначе, и если я была не права, старался убедить меня, причем не как ребенка, а как взрослого, думающего человека.

Те, кто мало знал отца, считали его замкнутым, немного сухим человеком. Он действительно был не очень разговорчив. Сейчас, когда я вспоминаю его, думаю, что он был просто застенчив и, кроме того, большой отпечаток наложила на него болезнь. Ведь он был болен сахарным диабетом тяжело и долго, с 1928 года.

Огромный объем работы, конечно, тоже не способствовал улучшению его здоровья. Но с людьми, которых он любил, с друзьями и с детьми он становился совсем другим: веселым, остроумным, все понимающим. С ним было легко не только мне, его дочери, но и моим друзьям.

Ребята из школы, бывавшие у нас в доме, чувствовали себя с отцом совершенно свободно. Он расспрашивал об учебных и пионерских де-

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке

Я. Б. ГАМАРНИК И В. К. БЛЮХЕР (СПРАВА) НА СОВЕЩАНИИ ЖЕН КОМАНДИРОВ КРАСНОЙ АРМИИ, 1936 ГОД.